

Н. Е. Ананьева (Москва)

НОРМАТИВНЫЕ ГРАММАТИКИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА ОНУФРИЯ КОПЧИНСКОГО

1. Вступление.

Жизненный и творческий путь О. Копчинского

Хронологически автором первой грамматики польского языка для поляков является В. Шилярский («Основы наук для отечественной молодежи, то есть грамматика польского языка», *Początki nauk dla narodowej młodzieży, to jest grammatyka języka polskiego*, Lwów 1770). Однако эта грамматика, являющаяся, по словам З. Клеменевича, «вещью слабой» (Klemensiewicz 1974: 666), не повлияла каким-либо образом на грамматическую науку и преподавание польского языка в XVIII в. Иначе сложилась судьба грамматико-дидактического наследия Онуфрия Копчинского, оставившего значительный след в истории польской грамматической науки.

Прежде чем перейти к анализу грамматических трудов О. Копчинского, остановимся на фигуре автора «Грамматики для народных школ» (*Gramatyka dla szkół narodowych*) и «Грамматики польского языка» (*Gramatyka języka polskiego*) и характеристике времени, в которое он жил.

Онуфрий, а до 1752 г., когда он вступил в монашеский орден пиаристов с принятием этого имени, Анджей Копчинский

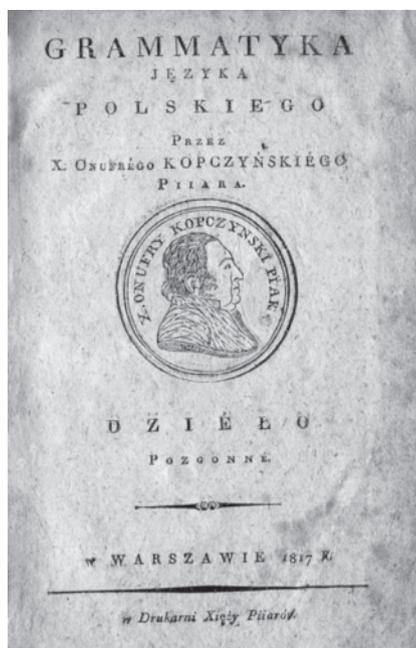
родился 30 ноября 1735 г. в Чернееве (под Гнезно) и умер 14 февраля 1817 г. в Варшаве. За 82 года его жизни в Польше произошли колоссальные изменения: правление последнего польского короля Станислава Августа Понятовского (которому, кстати, Копчинский посвятил стихотворение на латинском языке и из рук которого получил за свою грамматику медаль «Merentibus») сменяется драматическими коллизиями конца XVIII в.: четырехлетний сейм, Тарговицкая конфедерация, восстание Костюшко, три раздела Польши и утрата страной государственной независимости вплоть до 1918 г. При этом Копчинский не был отстраненным созерцателем драматических коллизий, происходящих в стране, а принимал в них живейшее участие: был членом Тарговицы, героически проявил себя во время взятия Суворовым варшавской Праги (так называемой «пражской резни»), когда 5 ноября 1794 г. в возрасте 59 лет с риском для жизни, захватив продукты, одежду и медикаменты, переправился на лодке с двумя рыбаками через Вислу в захваченную русской армией Прагу и оказывал уцелевшим после резни горожанам гуманитарную помощь, неся им также пастырское слово ободрения и утешения. В 1799–1802 гг. ему пришлось побывать в австрийской тюрьме. Но главная миссия О. Копчинского — это его деятельность на ниве народного *просвещения, просветительство*, соответствующее той эпохе, в которую он жил и творил, — эпохе *Просвещения (Oświecenie)*. Просветительскую направленность деятельности Копчинского предопределил также выбор типа учебных заведений, в которых обучался, а впоследствии и преподавал будущий автор «Грамматики для народных школ». Это были школы ордена пиаристов, созданного в Риме в 1597 г. Иосифом де Каласансом (1557–1648) и занимавшегося просветительской деятельностью. В этот орден Копчинский вступил, как уже выше было указано, в 1752 г. в Подолиньце. Сам Копчинский считал себя учеником и последователем монаха-пиариста Станислава Конарского, который занимался вопросами языка на латинском материале. В 1754 г. Копчинский принимает духовный сан, затем проходит обучение в школах ордена, расположенных в разных городах Польши (Жешув, Мендзыжеч, Краков). В дальнейшем Копчинский занимается преподаванием в школах пиаристов, при этом круг преподаваемых

им предметов довольно широк: грамматика, поэзия (Копчинский сам писал стихи на латыни), риторика, орфоэпия. Преподавание он прекратил в 1778 г. в связи с глазным заболеванием. Находясь в Вене и Париже (1772–1773), был воспитателем Антония Вислоцкого. Исполнял послушничество в Подолиньце (1763), Жешове (1764), Злочеве (1765–1767/8), снова в Жешове (1768) и снова в Подолиньце (1769–1771). О. Копчинский был членом различных просветительских общественных организаций и учреждений. Так, в 1780–1792 гг. он является членом «Общества по составлению и изучению букварей» (*Towarzystwo do Ksiąg Elementarnych*), с 1802 г. входит в состав «Общества друзей науки» (*Towarzystwo Przyjaciół Nauk*). В 1812 г. вступает в Генеральную конфедерацию Царства Польского. После возвращения Станислава Костки Потоцкого в 1806 г. к общественной деятельности именно на ниве просвещения О. Копчинский становится его соратником по работе в Образовательной комиссии (1808–1812). Хотя политические взгляды Потоцкого и кс. Копчинского различались (Копчинский — участник Тарговицкой конфедерации, против которой выступал генерал Костка Потоцкий, противоположны мировоззренческие позиции монаха Копчинского и деиста Потоцкого), в сфере просвещения, которая осталась единственной областью приложения общественных и гражданских устремлений, единственно возможным видом политической деятельности в период отсутствия государственной независимости, произошло их сближение. Из рук министра просвещения и вероисповеданий Царства Польского Станислава Костки Потоцкого О. Копчинский получил 30 ноября 1816 г. по случаю семьдесят первой годовщины своего рождения медаль за «Грамматику польского языка» (илл. 1)¹, которая была издана уже посмертно. Трехчастную грамматику польского и латинского языка О. Копчинский создает по поручению Образовательной комиссии (*Komisja Edukacji Narodowej*). В 1778–1781 гг. выходят из печати

¹ *Grammatyka języka polskiego przez X. Onufręgo Kopczyńskiego Piiara. Dzieło Pozgonné w Warszawie (1817 r.)*.

три части этой «Грамматики для народных школ», предназначенные соответственно для классов с I по III².

Скончался Онуфрий Копчинский в 1817 г. в Варшаве и был похоронен в костеле пиаристов на ул. Длугой. Однако после Ноябрьского восстания, когда храм был передан православной русской церкви, прах Копчинского тайно перенесли на Повонзки и захоронили на дорожке между 7-м и 9-м участками. В Польше чтут память создателя первой польской грамматики для поляков. Ему сооружен памятник в Чернееве, в честь него названы улицы в трех польских городах: Познани, Жешове и Гожове Велькопольском.

Илл. 1. Обложка посмертного издания «Грамматики польского языка» О. Копчинского

² *Gramatyka dla szkół narodowych na I klasę* (1778 r.); *Gramatyka dla szkół narodowych na II klasę* (1780 r.); *Gramatyka dla szkół narodowych na III klasę* (1781 r.).

2. Анализ «Грамматики польского языка» О. Копчинского как описательно-дидактического типа нормализаторской грамматики

Интерес к родному языку, его грамматике, стремление к соблюдению чистоты национального языка характерны для эпохи Просвещения, сменившей период упадка польского языка и культуры, господства сарматизма, время правления Саксонской династии, представители которой не знали польского языка. Внимание к родному языку в польском обществе усиливается в период утраты Польшей независимости, когда главной задачей в сфере просвещения становится задача сохранить *родной польский язык* и тем самым *национальную идентичность*. И такую патриотическую роль сыграли грамматические труды Копчинского, тем более что «Грамматика для народных школ», не считая неудачной вышеупомянутой грамматики В. Шилярского, была первой грамматикой на польском языке. Наиболее значительные грамматики предшествующего периода (Статориуса-Стоенского, Менье-Менинского, Фолькмара и даже поляка Войны) были написаны на латинском (по большей части) или немецком языках. Известны и переводные с латинского языка на польский рассуждения о польском языке и его особенностях. Так, Ксаверий Леский (*Ksawery Leski*) перевел на польский язык первоначально написанную на латинском языке поляком Франтишеком Богомольцем «Беседу о польском языке» (*Rozmowa o języku polskim*)³. Существует также предположение, что перевод на польский был осуществлен самим Богомольцем. Таким образом, создание грамматики на польском языке для польского читателя является, в первую очередь, *национально-патриотическим* предприятием, что отразилось также в создании собственно польской грамматической терминологии, которая в большинстве своем до сих пор употребляется польскими грамматистами. Примеры терминов, созданных Копчинским: *cudzymów* и *cudzysłów* 'кавычки' (сохранился второй термин), *przyimek* 'предлог', *spójnik* 'союз', *dwukropek* 'двоеточие', *przecinek* 'запятая', *iloczas* 'долгота', *pisownia*

³ Подробнее см. (Klemensiewicz 1974: 576).

‘орфография’, *(nie) dokonany* ‘(не) совершенный’, *czynny* ‘действительный’, *bierny* ‘страдательный’, *tryb bezokoliczny* ‘безличное наклонение’ (трансформировался в *bezokolicznik*), *tryb oznajmujący* ‘изъявительное наклонение’, *tryb rozkazujący* ‘повелительное наклонение’, *słowo jednokrotliwe* ‘однократный глагол’, *słowo częstotliwe* ‘многократный глагол’. От Копчинского идет традиция употребления в польской грамматике не латинских, а польских названий падежей: не *Номинатив*, а *Mianownik* и т. д. Все названия падежей, кроме *Wzywacz*, которое заменилось номинацией *Wołacz* (впрочем, используемой и Копчинским наряду с *Wzywacz*), употребляются и сейчас.

Патриотические цели создания своего труда Копчинский сам подчеркивает в ряде декларативных высказываний. Так, во вступлении к «Грамматике польского языка» он сравнивает судьбу польского народа с судьбой греков и римлян, которые, будучи «стерты с географической карты» (*wymazane są z jeograficznej karty*), сохранили в истории свое славное имя благодаря дошедшим до нас латыни и древнегреческому, и обещает доказать своим трудом, что «наша славянская ветвь близко приближается к этим образцовым языкам»⁴ (Корczyński 1817: 7). Вступление начинается с обеспокоенности автора тем, что родному языку в условиях неволи грозит уничтожение: «Условия нашего существования грозят ему уничтожением и влекут за собой уничтожение языка. Если соседство с иностранцами лишило в такой степени наш язык чистоты, то почему же не страшиться объединения? О любовь к Родине! О жажда национальной славы! О благородство польского языка! Неужели вы вместе с переменной хозяев земли должны погибнуть?»⁵ (Корczyński 1817: 7). Постоянно употребляется словосочетание «любовь к родному языку» (ср.: «*miłość ojczystego języka przełamie wszystkie trudności*» (Ibid.: 34)). Как и другие его современники, Копчинский уповал на роль

⁴ *nasz Słowiański odnożek blisko do tych wzorowych mów przystępuje.*

⁵ *Losy bytu naszego bardzo go chyłą ku zgubie i język też za sobą ciągną! Jeżeli sąsiedztwo cudzoziemców tyle czystości uięło naszemu językowi, czegoż się nie lękać od spojenia? O! miłości oyczyzny! O! żądzo narodowój sławy! O! zasności polskięgo języka! Czyliż razem z odmianą panów ziemi ginąć macie?*

польской женщины в распространении и совершенствовании родного языка (Klemensiewicz 1974: 586). Национально-патриотическое значение грамматических трудов Копчинского можно сравнить с ролью трилогии Г. Сенкевича («Потоп», «Огнем и мечом», «Володыевский»), которая, по словам автора, была создана «для ободрения сердец» (*dla pokrzepienia serc*) соотечественников в период неволи.

Современные исследователи славяно-русских грамматик XVIII в. выделяют два их типа: научный (академический) и педагогический (учебный, дидактический) (Кузьминова 2016: 158–170). Грамматики О. Копчинского представляют собой смешанный описательно-дидактический тип, при котором описание грамматического материала сопровождается элементами дидактики: введением таблиц и большого числа примеров (принцип наглядности), объяснением в виде ответа на поставленный вопрос, диалогом с читателем (в первую очередь учителем). Например, указание учителю, как научить детей овладеть хорошим произношением букв (Korczyński 1817: 16). Мы предпочитаем по отношению к грамматикам Копчинского употреблять термин с первым членом «описательно-», а не «научно-» («описательно-дидактическая», а не «научно-дидактическая») в связи с тем, что его грамматические труды относятся к донаучному этапу формирования грамматики (с присущим этому периоду неразличением звука и буквы, фантастическими этимологиями и др.). Один из многочисленных примеров смешения буквы и звука из «Грамматики польского языка» Копчинского: утверждение, что согласный звук должен обязательно сочетаться с последующим или предыдущим гласным, и подтверждение этого положения примерами, являющимися названиями букв (*el, em, en* или *ha, ka, pe* и т. п.) (Ibid.: 18–19). В смешении буквы и звука упрекал О. Копчинского и первый польский фонетист Юзеф Мрозинский, отметив, что Копчинский «столько всегда насчитывает звуков, сколько видит букв» (*tyle zawsze liczy głosek, ile widzi liter* — цит. по (Urbańczyk 1993: 12)).

Просветительскую функцию выполняют у Копчинского курсы в древнегреческую и древнеримскую мифологию, историю и литературу, примеры из Священного Писания, лучших

произведений польской литературы (например, Я. Кохановского), польской истории (ср., например, экземплификацию раздела по римским цифрам событиями из истории Древнего Рима, а раздела по арабским цифрам — событиями из отечественной истории (Korczyński 1817: 21–23)).

Представитель так называемой Озерной школы английских поэтов-романтиков Кольридж писал, что правила грамматики являются, «по существу, *правилами универсальной логики* (выделено нами. — Н. А.), примененными к явлениям психического порядка» (цит. по (Горбунов 2017: 636)). Но в реальном языке не все столь логично, чтобы можно было его «подтянуть под ряд грамматических правил» (слова Копчинского о цели его труда: «*poki pod sznur grammatycznych prawideł podciągnionym nie będzie*») (Korczyński 1817: 7). Тем более нельзя языку навязывать те правила, которые ему уже не свойственны в данный исторический период. Грамматики Копчинского, как и написанные до него латиноязычные и немецкоязычные грамматики польского языка, относятся к типичным грамматикам *нормализаторского толка*, когда правила кодификации не выводятся из языковой реальности, а искусственно предписываются (навязываются) языку. Например, полякам XIX в. рекомендуется употреблять в глагольном спряжении формы дуалиса. От Копчинского пошла традиция, сохранившаяся вплоть до орфографической реформы 1936 г., различать (заметим, не различающиеся уже в языковом узусе) окончания твор.-местн. п. ед. ч. м. и ср. р. и твор. п. мн. ч. прилагательных и местоимений на искусственно вводимом семантическом основании: родовой принадлежности определяемого этими адъективами существительного в единственном числе (для существительных м. р. в твор.-местн. п. окончания *-iml/-ym*, для существительных ср. р. *-ém*) и семантики мужского лица или женско-вещного рода таких существительных во мн. ч. (для существительных с семантикой мужского лица в твор. п. мн. ч. адъективов представлено окончание *-imil/-ymi*, а для существительных женско-вещных в твор. п. мн. ч. определяющих их адъективов следует писать *-émi*). От Копчинского идет традиция сохранения на письме непроизносимого *ł* после согласных в причастиях на *-szy* (*imiestów uprzędni*): *zjadłszy* ‘съев’, *poszedłszy*

‘пойдя’. К его рекомендациям относится также сохранение употребляемого и до него *ó*, совпавшего по звучанию с *и* и, вследствие этого совпадения, являющегося источником многочисленных ошибок польских школьников, смешивающих на письме буквы *ó* и *и*. Более того, Копчинский предлагал также ставить «крески» (в его терминологии «*akcenty*») над *a* и *e*, хотя суженные гласные к концу XVIII в. уже утратились в польском языке. При этом «креска» над *e* должна была указывать на суженный характер этого гласного (Копчинский сетовал на то, что одни поляки говорят *ser*, другие *sur*, а следует, по его мнению, *sér*), в то время как «креска» над *a* ставилась (по традиции, идущей от «Орфографического трактата» С. Заборовского 1518 г. и практики краковских первопечатников) над континуантом *a* краткого. При этом кодификатор Копчинский сознавал, что в узусе уже не существует различий между континуантами **ā* и **ǣ*, возмущаясь тем, что многие говорят, что не чувствуют разницы между *a* открытым и между *a* суженным. Если *á* было отменено орфографическими правилами 1830 г., то *é* сохранялось на протяжении XIX в. «Крески» предлагалось употреблять и для обозначения мягких губных (*ń, m̄, ń, w̄*), хотя в той позиции, в которой требовалось бы такое обозначение (конец слова), они уже отвердели. Несмотря на произношение в инфинитивах конечных глухих *s* и *ć*, предлагалось писать (и сам Копчинский так пишет) звонкие согласные *dz* и *dź*, если в глагольной парадигме появляется звонкий согласный (*bydź* «*być*» ‘быть’, *kładź* «*kłaść*» ‘класть’, *biedz* «*biec*» ‘бежать’, *módz* «*móc*» ‘мочь’). В соответствии со своим традиционализмом, а также установкой на главенство правил Копчинский предлагал сохранить два окончания вин. п. ед. ч. в существительных женского рода (*-ę* и *-ą*) в зависимости от наличия в им. п. ед. ч. *a* или *á* (различие между которыми, как мы уже упомянули выше, к тому времени утратилось). Предлагалось также различать в зависимости от семантики существительного ср. р. окончания им.-вин. п. ед. ч.: *-e* в неодушевленных существительных (*imie*), *-ę* в одушевленных (*zwierzę, dziecię*). Рекомендуются сохранять *-ę* в вин. п. ед. ч. ж. р. местоимений: *naszę, twoję, swoję (matkę)*. Копчинский осуждал употребление новых форм на *-i* в числительных, предлагая сохранить архаические формы твор. п. на *-ą* (*sześćią, sześćiądziesiąt*),

род. п. на *-i* (*sześci*, а не *sześciu*), неизменяемой второй части в склонении названий десятков (*około sześciudziesiąt lat*). Новым синтаксическим конструкциям согласовательного типа (*sześciu domam*) противопоставлял рекомендуемые им более старые словосочетания типа *sześcią domów*. З. Клеменевич приводит примеры фантастических этимологий Копчинского: топоним *Sandomierz* произошел из словосочетания *San domierza do Wisły* (т. е. «Сан стремится к Висле») и др. (Klemensiewicz 1974: 668). Тем не менее мы можем найти у Копчинского и ряд здравых идей. Так, он неоднократно подчеркивает связь языка и мышления. Более того, являясь последователем идей «Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal* — 1660), Копчинский понимает язык как отражение мысли (в то время как мысль отражает действительность) и решает соотношение проблем «общего» и «частного», различая «всеобщую грамматику» (*gramatyka powszechna*) и грамматику отдельного языка (*gramatyka szczególna, gramatyka szczegółowa, gramatyka jednego języka*). От немецких грамматиков (В. Гумбольдта и др.) Копчинский заимствовал понятие «дух языка». О знакомстве его с философскими трудами Фрэнсиса Бэкона и Этьена де Бонно Кондильяка см. в (Urbańczyk 1993: 11; Dawne ortografie 2018). Не являясь оригинальными идеями Копчинского, данные положения будут развиваться в постструктуралистскую эпоху в новых научных парадигмах, связанных с интересом к языковым универсалиям, семантике, ономастиологии, когнитивистике с ее понятиями «языковая картина мира», «концепт» и др.⁶ Говоря о появлении новых слов, Копчинский называет такие их источники, как ономотопея (правда, относит к ней такие слова, например, как *kowal, kować, kuźnia* и др., вряд ли происходящие от «естественных звуков»), словообразование, сложные слова, заимствования (*cudzoziemczyzna*). Он пишет о невербальных средствах выражения мысли (ср. название § IV в I главе второй части «Граматики польского языка»: «О жестикуляции как первом переводчике мысли» (*O migach iako pierwszym tłumaczu myśli*)). Заметим,

⁶ Подробнее о влиянии на О. Копчинского западноевропейской науки см. в (Gniadek 1957; Florczak 1978; Urbańczyk 1993).

что изучение языка жестов с выделением понятия «кинема» получило развитие совсем в недавнее время. Копчинский выделяет устаревшие слова (приводит их список) и «гминные». Большое внимание уделяет переносному значению слова (т. е. такому стилистическому тропу, как метафора). В качестве экземплификации переносного значения приводит списки пословичных выражений. Метафоры и сравнения, постановка вопроса и ответ на него — это также особенности авторского стиля создателя «Граматики польского языка».

Как мы видели, ряд правил, постулируемых Копчинским, входил в противоречие с узусом, архаизировал язык (и в первую очередь его правописание). В некоторых случаях эти предписания оказали «тормозящее» воздействие на языковую норму (дифференциация флексии твор.-местн. п. ед. ч. адъективов *-im/-ym* и *-ét* в зависимости от рода определяемого существительного; дифференциация окончаний твор. п. мн. ч. адъективов *-imi/-ymi* и *-émi* в зависимости от определения ими субстантива с семантикой мужского лица или без нее; сохранение форм твор. п. количественных числительных на *-q* и др.). Длительное сохранение ряда правил, сформулированных в грамматиках Копчинского (а до наших дней сохранились *ó* и написание *ł* после консонанта перед причастным суффиксом *-szy*), объясняется огромной популярностью его трудов. Три части «Граматики польского языка» многократно переиздавались. Кроме того, фрагменты каждой из трех частей были изданы в 1958 г. в сборнике «Люди Просвещения о языке и стиле» (*Ludzie Oświecenia o języku i stylu*). В 1816 г. в честь двух филологических трудов эпохи Просвещения — «Граматики польского языка» О. Копчинского и «Словаря польского языка» (*Słownik języka polskiego*) Самуэля Богумила Линде — были выбиты 2 медали. С одной стороны на медали в честь Копчинского выбиты слова *Onufry Kopczyński* с его изображением в профиль, а на другой — надпись «За грамматику польского языка» (*Za gramatykę języka polskiego*) с подписью «Соотечественники» (*Ziomkowie*) и указанием года — 1816 (илл. 2). Эта грамматика была издана посмертно в 1817 г. Кроме того, учебники Копчинского благодаря своим методическим достоинствам также пользовались успехом. Это «Указания

для учителей» к «Грамматике для народных школ» (*Przypisy dla nauczycieli*), «Наука письма и чтения в букваре для народных пиаристских школ» (*Nauka pisania i czytania w elementarzu dla szkół pijarskich narodowych*), «Букварь для приходских народных школ» (*Elementarz dla szkół parafialnych narodowych*). В этом отношении деятельность О. Копчинского перекликается с деятельностью Станислава Костки Потоцкого, который был, в частности, автором труда «Трактат о необходимости упражняться на родном языке» (*Rozprawa o potrzebie ćwiczenia się w ojczystej mowie służyć mająca za wstęp do Pisma: o polskim języku, miana przy ukończeniu Examinu, Liceum Warszawskiego* — 1816 г.).

Илл. 2. Медаль, отчеканенная в честь О. Копчинского

3. Выводы

1. «Грамматика для народных школ» и «Грамматика польского языка» О. Копчинского отражают уровень грамматической науки XVIII в. Воспринятые Копчинским от французских исследователей идеи «философской» («рациональной», «всеобщей») грамматики, рассматривающей язык как реализацию логико-смысловых категорий, получили развитие в лингвистике XX в.

2. Основным достижением трудов О. Копчинского являются введение в научный оборот польской грамматической терминологии и использование ряда дидактических приемов в презентации материала. С учетом современных исследований по славяно-русским грамматикам XVIII в. в статье впервые определяется тип грамматики польского языка О. Копчинского как описательно-дидактический.

3. Польскому читателю конца XVIII в. не могла не imponировать патриотическая риторика грамматических трудов Копчинского, которая и в наше время вызывает уважение к автору грамматики родного языка, создавшему ее в условиях утраты страной государственности.

Литература

- Горбунов 2017 — Горбунов А. Н. О природе, человеке и обществе // *Вордсворт У. Прелюдия 1805*. М.: Ладомир: Наука, 2017. С. 636.
- Кузьминова 2016 — Кузьминова Е. А. От грамматики описательной к грамматике педагогической // *Славянский вестник. История и перспективы: материалы междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 150-летию сборника «Славянский вестник»* / Под ред. Г. Ф. Ковалев и др. Воронеж: Кварт, 2016. С. 158–170.
- Dawne ortografie 2018 — Dawne ortografie, gramatyki i podręczniki języka polskiego: Internetowe kompendium edukacyjne / Red. nauk. W. Decyk-Zięba, M. Kresa, I. Stapor // URL: <https://gramatyki.uw.pl/> — 16.03.2020. (2014: Gramatyka szkolna: <<https://gramatyki.uw.edu.pl/book/162>> 16.03.2020.; 2018: Gramatyka pozgonna: <<https://gramatyki.uw.edu.pl/book/541>>16.03.2020.)
- Florczak 1978 — Florczak Z. Europejskie źródła teorii językowych w Polsce na przełomie XVIII i XIX wieku: Studia z dziejów teorii języka i gramatyki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1978.
- Gniadek 1957 — Gniadek S. Wpływy francuskie na Gramatykę Kopczyńskiego // *Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk*. 1957. № 50/2. S. 198–203.
- Klemensiewicz 1974 — Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974.
- Kopczyński 1817 — Kopczyński O. Gramatyka języka polskiego przez X. Onufręgo Kopczyńskiego Piiara. Dzieło Pozgonné. Warszawa: Drukarnia Księży Piiarów, 1817.
- Urbańczyk 1993 — Urbańczyk S. Dwieście lat polskiego językoznawstwa (1751–1950). Kraków: Wydawnictwo Secesja, 1993.

Наталья Е. Ананьева: ananeva.46@mail.ru